

Как я встретил даму с собачкой

Как ни странно, одной из главных героинь моего детства была Лесси, собака с суперспособностями, которая отважно прыгала через горящие обручи и между делом помогала поймать опасных грабителей банка. Единственное, что меня беспокоило, — это то, что псина постоянно лизала лицо своему хозяину. Увлечение собаками прекратилось, когда я стал подростком. Я начал интересоваться девочками, и теперь, пусть даже в мыслях, в моем мире больше не было места для облизывающих собак-героев. Повзрослев, я завел кошку, которую назвал Лолой и которая и близко не подпускала собак. Это было вполне объяснимо, ведь собаки и кошки уживаются друг с другом как мужчины с женщинами, которые, как известно, родом с разных планет. И хотя Лола держала меня на коротком поводке и позволяла гладить себя лишь тогда, когда сама того желала, мне не хотелось ее терять. А возможно, именно поэтому я ее так сильно и любил. За ней было просто ухаживать, ее не нужно было выгуливать, а даже если ей хотелось погулять, она отправлялась в соседский сад.

Когда Лолы не стало, я сперва решил больше не заводить домашних животных. Я спокойно жил без кота, и уж тем более мне не пришло бы в голову завести собаку. И когда я работал сценаристом, мои пути не пересекались с тропами собак. Продюсеры постоянно указывали на то, что работать с животными, равно как и с детьми, слишком дорого и сложно. Дрессированная собака обойдется не дешевле исполнителя главной роли, посему в киноиндустрии существует негласный закон: никаких собак без крайней необходимости. В связи с этим я получил указание не вписывать четвероногих в историю! Но однажды я все же написал успешный сценарий к фильму о сенбернаре Феликсе, но эта собака, как и любой суперпес из радио- или телепередач, не имела ничего общего с реальностью: Феликс ездил на мотоцикле, прыгал по крышам, словно белка, и обладал уровнем IQ, до которого даже Альберту Эйнштейну было далеко. Разумеется, еще в процессе написания я понимал, что Феликс не имел ничего общего с настоящим животным. Хотя я и ничего не смыслил в собаках, все же полагал, что знаю, как ведут себя настоящие псы: они смотрят на тебя огромными глазами, когда голодны, и послушно исполняют команды, не проявляя никакой индивидуальности. Предполагаю, что мое мнение о собаках складывалось исключительно на основе предрассудков. Но сложить образ настоящей собаки мне помогла очаровательная женщина Эллен. Она работала адвокатом, при этом воспитывала прелестную и плутоватую шестилетнюю дочь, а также являлась владелицей небольшой собачки по кличке Бонни. Я все еще прекрасно помню свою

первую (и непреднамеренную) встречу с Бонни: была суббота, и я договорился о прогулке с Эллен, с которой недавно познакомился. Когда она припарковала свой автомобиль, я, как старомодный кавалер, бросился ей навстречу и распахнул дверь. Меня ожидал сюрприз: на пассажирском сиденье расположилась маленькая коричневая собака, которая выпрыгнула следом за хозяйкой! Внешне пес выглядел как помесь лисы и плюшевого медведя с длинными ушами. Как позже рассказала мне Эллен, Бонни действительно была помесью терьера и вельш-корги. Поневоле я опустился на корточки и протянул ей руку для обнюхивания. И что же она сделала? Ну конечно, принялась с энтузиазмом облизывать мокрым языком мое лицо! День уже был для меня закончен, и тут я услышал, как Эллен говорит:

— Ты ей нравишься! — Я попытался придать лицу дружелюбное выражение и молчал. — Я знаю, что ты не очень любишь собак. Я это сразу заметила! Но, несмотря на это, ты согласился видиться со мной, и меня это очень радует! — похвалила меня Эллен.

И я сдался, потому что знал, что для меня Эллен без Бонни не возможна. Но все же оставался еще один вопрос.

— Ты ведь не собираешься заводить еще одну собаку? — уточнил я.

— Нет, конечно! — ответила Эллен, и у меня словно камень с души свалился. С такой-то собакой, да еще и такого размера, я уж точно справлюсь.

Для наших отношений не было преград, к тому же мой тринадцатилетний сын Константин отлично ладил с Софи, дочерью Эллен. К Бонни он также быстро

нашел подход, и она всегда разрешала ему почесать себя за ухом. Мне нравилось, как Эллен относится к своей собаке. Бонни не лезла в тарелку к хозяйке, а ела из своей миски, спала не в ее постели, а в корзинке. Все, что мне оставалось, — лишь наладить отношения с маленькой собачкой во время визитов к Эллен. Бонни жила с Эллен и Софи в доме с большим садом. Однако я быстро понял, что она не имела ничего общего с суперсобакой моего детства Лесси и не знала никаких трюков, она даже не умела становиться на задние лапки. Единственное, что она хорошо освоила, — это валяться без дела на диване. Ей нравилось человеческое общество, при этом псине было не важно, был ли это свой или чужой. Но, откровенно говоря, должен признаться, что я практически не уделял ей внимания. Для меня Бонни была маленькой собакой любимой женщины, которая всегда находилась в ее доме, когда бы я ни пришел. Я не имел ничего против нее, но и не скучал бы по ней, если бы ее там не было. О том, что я не питал большой любви к собакам, знал, разумеется, и Константин, который любил подшучивать над тем, что я недостаточно восхищаюсь песиком.

— Папа, погладь же Бонни, не бойся, она не кусается! — говорил он каждый раз, когда видел, что я снова медлил перед тем, как взять собаку к себе на колени.

Но случай помешал этим отношениям перерасти в замечательную и долгую дружбу. Эллен нужно было срочно лететь на Гран-Канарию, так как ураган повредил крышу ее летнего домика. Поскольку в спешке ей не удалось отыскать гостиницу для собак, она взяла Бонни с собой.

Бонни претала...

На Гран-Канарии у Эллен было дел невпроворот: договориться со строительным ведомством, по телефону провести переговоры со страховой компанией, найти подходящих рабочих и так далее. И Бонни всегда находилась рядом. Когда все работы наконец были закончены, уже ничего не удерживало их на острове. Бонни тоже радовалась возвращению домой, потому что из-за густой шерсти ей было слишком жарко на Гран-Канарии и каждое движение приносило лишь страдания.

— Знаешь, что, Бонни? Мы с тобой сейчас поедим тапас, а затем поедем в аэропорт. Что думаешь? — Бонни довольно залаяла, потому что знала, что теперь они отправятся домой. Ведь маленькая собачка сама видела, как Эллен достала свой дорожный чемодан с мягкой обивкой. Явный знак того, что им предстоит возвращаться! Полчаса спустя Эллен припарковала автомобиль перед закусочной.

Жара ударила ей в лицо, когда она вышла из кондиционированной машины, но это не испортило на-

строения Эллен, ведь она знала, что в Германии ее ждет дождливая погода. Поэтому после напряженной недели ей хотелось расслабиться с Бонни и в полной мере насладиться солнцем на террасе бара.

Однако для них не нашлось свободного места, и Эллен пришлось довольствоваться столиком на тротуаре. Она не слишком расстроилась, так как закусовая располагалась на тихой боковой улочке.

Бонни, как обычно, устроилась на своем покрывале под столом и стала ждать вкусностей, которые наверняка попадут к ней со стола. И, как всегда, она была не на поводке, потому что Бонни никогда бы добровольно не покинула своего места. Во-первых, она была слишком ленивой, а во-вторых, довольно преданной, чтобы предпринимать самостоятельные прогулки по городу.

Пока Эллен изучала меню и ломала голову, какой же тапас наиболее вкусный и не слишком калорийный, поблизости вдруг раздался автомобильный гудок, и женщина вздрогнула. Шум рассердил ее, а Бонни начала громко лаять. К ним медленно приближалась колонна автомобилей. Вероятно, свадьба, судя по украшенным машинам.

«Почему они не поехали по главной улице», — думала Эллен, пытаясь успокоить собаку, поскольку знала, насколько Бонни пуглива. Однако пыталась Эллен безуспешно: ее маленькая спутница от волнения стала чесаться, длинные уши болтались в разные стороны, а хвост лихорадочно метался туда-сюда. Эллен сразу поняла, что Бонни находится в состоянии стресса.

— Все хорошо, Бонни, они сейчас уедут!

Но, к сожалению, они не уехали, а некоторые пассажиры начали бросать из окон проезжающих машин петарды, которые вызвали еще больший шум!

Повалил дым. Маленькая собачка вскочила в полном испуге и принялась лаять как сумасшедшая. При этом она вся тряслась, словно от ударов током.

Когда Эллен попыталась взять Бонни на руки, одна из хлопнушек приземлилась рядом с их столиком и взорвалась с оглушительным шумом. Эллен инстинктивно пригнулась и закрыла лицо руками. В этот момент Бонни воспользовалась возможностью убежать и помчалась прочь со скоростью ракеты! Она неслась по дороге, свернула на широкую аллею и понеслась по оживленной улице, уворачиваясь от транспорта. Эллен, которую от хлопка на миг словно парализовало, пришла в себя, увидев, как ее маленькая собачка в смятении мечется между автомобилями.

Ее охватила паника, сердце билось с бешеной скоростью, холодный пот струился по спине, а ладони вспотели.

Она сразу же вскочила и бросилась следом за Бонни, что было сложно на высоких каблуках. К тому же в страхе маленькая собака развила невиданную прыть и была уже едва видна.

Эллен бежала по оживленной аллее, совсем не обращая внимания на транспорт. Водители разгневательно гудели ей вслед, но женщине было все равно. Она должна была вернуть свою собачку. Она без устали звала Бонни, но ее голос тонул в шуме дорожного движения.

Свернула она в переулок направо или налево? Или в пешеходную арку? Эллиен отчаянно пробиравась сквозь толпу людей, толкала то одного, то другого и не теряла надежды найти свою маленькую спутницу. Но той и след простыл.

От волнения Эллиен почувствовала тошноту и головокружение. Она с отчаянием спрашивала у прохожих, не видели ли они Бонни, но никто не мог ей помочь.

Около полудня она блуждала по улицам, когда вдруг вспомнила, что ей нужно успеть на самолет. Со всем обессилив, она позвонила мне в Германию, не понимая, что делать дальше.

— Я ведь не могу улететь без Бонни! — Ее голос дрожал, и она уже собиралась отказаться от перелета. Я еще никогда не видел ее такой растерянной.

— Но разве завтра тебе не нужно присутствовать на суде? — спросил я.

— И правда! Я совсем забыла об этом. Завтра состоится рассмотрение апелляции в Верховном суде! Его нельзя отложить... Но ведь я не могу бросить Бонни здесь одну! — Я едва мог вынести отчаяние в ее голосе, однако для меня дело было ясным.

— И тем не менее ты не можешь остаться на Гран-Канари! — возразил я. Собака, возможно, и была важной, но работа была важнее.

— Не заставляй меня чувствовать себя виноватой! — услышал я, и после этого она бросила трубку.

Эллиен взвесила все «за» и «против» и с тяжелым сердцем все-таки решила вернуться в Германию.

День, который так хорошо начался для нее, закончился печально, очень печально.